

Встретились на Молодежном стадионе. Играли «Экран» и «Эльфа». У ворот был напряженный момент. Умело задуманная в центре поля комбинация могла закончиться голом. Сразу же начать разговор не удалось. Пришлось ждать, пока не спадет напряжение.

Комбинация не закончилась голом.

Генрикас зло размахивал руками. Его — старого футболиста — злила нерешительность игроков.

Десять—двенадцать лет назад Генрикасу Кураускасу предсказывали карьеру незаурядного футболиста. В республиканской юношеской команде, которая когда-то завоевала звание чемпиона страны, Генрикас играл центральным нападающим. И совсем неплохо забивал голы. И в то же время тоже неплохо играл на сцене. Пришлось выбирать — театр или футбольное поле. Генрикаса приглашали в команду мастеров «Спартак». Его друг Пранас Люткявичюс, с которым он посещал драматическую студию, выбрал футбол. А Генрикас... Слишком глубоко в сердце запал театр, запах которого (правда, из котельной, где работал его отец) был знаком ему с самых первых шагов его сознательной жизни. И он выбрал театр, хоть долго, можно сказать, до сих пор, ходил на футбольные тренировки, играл в разных матчах. И теперь, в тридцать три года, он страстный ветеран. И забивать голы еще не отвык.

Он сидел преисполненный страстью игры и прямо рвался на поле. Он сидел рядом, а я видел его пробивающимся к воротам.

А вчера я видел его в образе Гамлета. Он серьезно решал дилемму «быть или не быть». А позавчера он играл инженера-строителя Жардиса в пьесе Р. Римкявичюса «Круг». Боролся за любимого человека, оберегал его от банальностей. А завтра он будет играть...

Театральную жизнь Советской Литвы последних десяти лет нельзя представить себе без имени заслуженного

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

артиста республики, лауреата республиканской премии Генрикаса Кураускаса. Его — известного, хоть и очень молодого, мастера сцены полюбили зрители. Его Сильва, Гамлет, Освальд, Топаз давно перешагнули рампу и живут вместе с многочисленными зрителями. Созданный им образ певца пролетарской борьбы Юлюса Янониса обрастает со своими пламенными словами ко всему миру. Актер сумел согреть слова поэта огнем своей души, сделать их своими словами, и поэтому они звучали с такой силой, убедительностью. Актеру удалось раскрыть красоту поэзии Ю. Янониса, ее глубину, ее революционность.

Во время перерыва, когда пригласили футбольные страсти, мы продолжаем беседу. О театре, разумеется.

— Много приятных творческих мгновений было за последние годы. Зритель, который приходит смотреть и аллодировать, никогда не видит той работы, которую надо проделать перед выходом на сцену. Вот смотри!

И Генрикас протянул мне довольно потертую тетрадь. Это был актерский экземпляр «Топаза». Он весь был испещрен карандашом и чернилами, заполнен замечаниями и рассуждениями. С потрепанных страниц повеяло долгими бессонными ночами, муками творчества и даже слезами разочарования. Я хорошо знаю, что бывают и такие. Знает это и Генрикас.

— Я люблю этого своего неудачника, — говорит Генрикас, листая тетрадь, — мне так хочется раскрыть ему глаза, спасти от гибели. Но в том мире, где он живет, это невозможно.

Созданные актером образы — это как бы его родные дети, живые, со своими мыслями и прихотями. Однако их, удачники они или нет, нельзя не любить. Ведь это

часть твоего тела, твоей души, ее продукт. А их немало выпустил в свет Генрикас Кураускас, и они вышли в жизнь, уча любить и ненавидеть, радоваться и бороться.

— Я играл много, очень много. Для того, чтобы поселить все мои роли, понадобилась бы довольно просторная квартира, — говорит Генрикас. — Многие из них хвалил зритель, хвалила печать, однако не все они принесли настоящую творческую радость. Не всегда хватало времени отдать роли все, не всегда удавалось выяснить до конца, чего хочет, к чему стремится твой двойник, какой он, наконец, человек. А настоящего полнокровного своего современника — литовского рабочего или интеллигента — я все жду, просто мечтаю о нем. И готов заранее расцеловать каждого драматурга, который даст мне такую роль.

Генрикас чувствует себя немножко усталым. Такую нагрузку, какую навалили на него обязанности актера, — трудно вынести даже хорошо знающему вкус труда сы-

ну истопника, неплохо натренированному спортсмену. Репетиции, спектакли, гастролы.

В тридцать три года достигнуто немало. Рядом с фамилией Генрикаса уже давно пишут — заслуженный артист, лауреат республиканской премии. Последнее звание он получил за создание роли Юлюса Янониса в фильме и спектакле. Сыгран целый ряд крупных, интересных ролей, о которых иной молодой актер может лишь мечтать.

Из многих праздников Генрикас Кураускас особенно выделяет один. Это 21-ое июля — праздник возрождения Советской Литвы. Этот день ему — сыну каунасского рабочего — обеспечил тот светлый путь творчества, по которому он идет и который ведет к еще более светлым высотам.

— Свою профессию я никогда не променял бы на другую, — говорит Генрикас несколько усталым голосом. И добавляет: — Ни на какую другую.

— А футбол? — не вытерпел я.

— Футбол для досуга. Ведь я и будучи актером сыграл немало матчей. Играл даже в одном республиканском — в команде ветеранов — с латышами.

Выбегая на поле, футболисты заметили Генрикаса и помахали ему. Я видел, как он вновь страстно следит за игрой на зеленом поле.

А завтра он так же страстно будет говорить:

— Быть или не быть — вот в чем вопрос...

А послезавтра он будет... Но к чему гадать. Мало ли кем может быть хороший, талантливый актер, для которого театр стал второй жизнью? И зрители вместе с ним будут любить и ненавидеть, смеяться и плакать.

Путь по сути только начат, но он ведет к творческой радости.

П. КЕЙДОШЮС.

“СОВЕТСКИЙ СПОРТСМЕН”
Ю. КИДОНЕДА

1 ИЮН 1963